

РАЗДЕЛ 5
КУЛЬТУРОЛОГИЯ.
СОВРЕМЕННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.
ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ.
ЖУРНАЛИСТИКА

**Шекспировские аллюзии
в романе А. Картер «Мудрые дети»**

*Алексеевко Я. А., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. зав. каф. Бутырчик А. М., канд. филол. наук, доцент*

Творчество писательницы второй половины XX в. А. Картер органично вписано в английский культурный контекст. Многие ее романы – интертексты, в которых автор играет с представителями мировой литературы. Будучи англичанкой, писательница не могла не обратиться к рецепции творчества У. Шекспира, которое во многом определило направление развития английской культуры. Данная работа посвящена ее последнему роману «Мудрые дети» (*Wise Children*, 1991), который пронизан отсылками к личности и текстам «великого барда».

«Мудрые дети» – это история двух девушек-близнецов по имени Дора и Нора. Они являются незаконнорожденными детьми известного актера Мелкиора Хэзарда, прославившегося ролями в постановках пьес У. Шекспира. Мать девочек умерла при родах, а биологический отец отказывается их признавать. Сюжет построен на оппозициях *легитимность – нелегитимность, высокое искусство – низкое искусство*, в целом на бинарности, потому что в каждом поколении семьи Хэзардов есть близнецы, которые схожи только внешне. The Hazard family – это династия актеров, *shakespearians*. Именно так по сюжету обыгрывает А. Картер обращение к творчеству английского барда.

Стоит отметить, что количество аллюзий на У. Шекспира в «Мудрых детях» впечатляет, потому что на них строится весь роман. Писательница не берет за основу отдельные прецедентные тексты, к примеру, исключитель-

но «великие трагедии», а создает причудливую смесь из множества отсылок к большому количеству источников одновременно. Речь идет не только о прямых и не прямых цитатах или о названиях пьес. Аллюзии можно обнаружить на всех уровнях текста, таких как сюжет, система персонажей, хронотоп, а также во множестве тонких деталей. Если говорить о топосе, то дом Доры и Норы находится по адресу 49 *Bard Road*. Он неоднократно сравнивается со сценой и гримеркой (*dressing room*): “It looked like the stage set of a theatrical boarding house, as if Grandma had done it up to suit a role she’d chosen on purpose” [1, p. 25]. Действие третьей части романа полностью сосредоточено на съемках фильма по комедии «Сон в летнюю ночь» (*A Midsummer Night’s Dream*, 1595–1596). В той же «американской» части упоминается *Anne Hathaway’s cottage*. День рождения сестер и их отцов, настоящего и биологического, как и самого драматурга, приходится на двадцать третье апреля. Есть и другие любопытные детали. На дне рождения Сэскии и Имоджен подают особенный елизаветинский суп, который, возможно, ел сам У. Шекспир, а на праздновании столетия их отца выносят торт в форме театра «Глобус». Примечателен эпизод, в котором молодой Мелкиор читает собрание сочинений У. Шекспира: “He looked up, hastily laying aside his well-thumbed copy of the *Collected Works*” [1, p. 24]. А. Картер играет и с именем драматурга. Так, одна из постановок, в которых участвуют девушки, называется “What! You Will!”.

Что касается системы персонажей, то семья Хэзардов характеризуется через призму героев шекспировских пьес, которых они играют. Вот как читатель знакомится с Эстеллой, кровной бабушкой Доры и Норы: “She was called Estella. Here she is as Juliet, as Portia, as Beatrice...” [1, p. 12]. Дора называет третью жену отца *My Lady Margarine*, что может быть отсылкой к *Lady Macbeth*. А. Картер использует персонажей прецедентных текстов, чтобы дать характеристику героям или описать их настроение: “Give me that crown!’ he rasped, having suddenly *transformed himself into Richard III*. ‘Give me the crown, you bastard!’” [1, p. 107] Особое внимание стоит уделить образу Тиффани, крестницы главных героинь. Безусловно, перед нами Офелия. Беременная и брошенная Тристрамом Хэзардом, она приходит на съемки телепередачи вся в цветах, практически нагая и напевающая при этом простой мотив. Кажется, что она не совсем в своем уме, а после устроенной сцены девушка исчезает. После этого Доре и Норе сообщают, что в реке нашли тело утопленницы: “‘They found the body of a young girl in the river, this morning’” [1, p. 50]. Сюжетные параллели очевидны, как и в случае измены Эстеллы: “Cassius Booth played Iago. There is no handkerchief in this story. All the same, her husband killed them both, first her, then him” [1, p. 21].

Непосредственно цитирование У. Шекспира в романе обусловлено, конечно же, тем, что семья Хэзардов – это театральная династия, из поколения в поколение играющая шекспировских героев. Соответственно, цитирование – контекстуальная закономерность. Однако А. Картер не просто вставляет в свой текст декларируемые на сцене отрывки. Она обыгрывает цитаты самыми разными способами, особенно самые узнаваемые – из трагедии «Гамлет» (*The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark*, 1603). Яркий пример – первая фраза из монолога “To be, or not to be”. В романе она не представлена в оригинальном виде, но есть интересные ситуативные вариации: 1) “To butter or not to butter” [1, p. 38]; 2) “2b or not 2b” [1, p. 90]. Можно также обнаружить отсылки к сонетам, в том числе и в форме песен (“O Mistress Mine”).

Хочется особо выделить эпизоды с горшком в форме бюста У. Шекспира и банкнотой с его портретом. На наш взгляд, они имеют символический смысл: возможно, в них показано разное отношение двух поколений к творчеству эйвонского барда. Для кого-то оно было *Holy Grail*, вновь обретенным, а для кого-то превратилось в *actual currency*. Неизменным остается лишь *the essential Englishness of Shakespeare*, что и делает его наследие неотъемлемой частью английской культуры.

Литература

1. Carter, A. *Wise Children* / A. Carter. – Cox & Wyman Ltd, Reading, 1992. – 235 p.

Проблема идентичности в романе Зоры Нил Херстон “Their Eyes Were Watching God”

Афанасьева Ю. А., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. зав. каф. Бутырчик А. М., канд. филол. наук, доцент

Возникновение афроамериканской литературы относится к концу XVIII в., когда африканцы прибывали в Америку в качестве рабов для работы на хлопковых плантациях. Уже тогда афроамериканская литература становится средством поиска идентичности, понимаемой как “a subjective sense of an invigorating sameness and continuity” [3, p. 20]. Так называемые “slave narratives”, передающие в устной или письменной форме индивидуальный опыт рабства, являются важной частью афроамериканской литературной традиции. В них писатели критикуют рабство и ставят под сомнение статус чернокожего человека в обществе. Влияние религии, культуры сентиментализма, философских дебатов о природе рабства повышает степень осознанности аф-